

С. Ситар

**Об акции КД 52/98 (14 : 07 - 15 : 13)**

*(Мотивационно-результатирующие контексты)*

*Но я абсолютно спокоен*

*Как часы...*

*Знаю: скоро*

*Знаю: скоро!*

П.Мамонов, *из ранних произведений*

"Попытка в "Бытии и времени" §70 возводить пространственность человеческого присутствия к временности не может быть удержана".

М.Хайдеггер, *Время и бытие*, 1962 г.

Я позволю себе начать текст об акции 52/98 с "интерпретационно-технического" раздела, и поясню сразу, что "жесткость" такого подхода к изложению в данном случае кажется мне абсолютно оправданной, и даже predetermined - *вопиющей красноречивостью факта появления рабочих, разматывающих кабель с большой катушки, в том самом лесу и в тот самый день и час, где и когда группа участников и зрителей акции занималась медитативным разматыванием веревки и нитки с маленьких катушек*. Представленные в эпиграфе тексты подсказывают, что Хайдеггер в данной акции не был часами (вторыми или третьими - это уж как кому удобней считать) одновременно по двум причинам - во-первых, потому, что он был, пусть и растянутым веревками, но все же портретом (а не часами), а во-вторых, потому, что портрет изображал "позднего" Хайдеггера, т.е. Хайдеггера "Времени и бытия" (1962 г.), - а не Хайдеггера "Бытия и времени" (1926 г.), серьезно претендовавшего на роль часов в самом широком смысле (если угодно, на роль "всемирных" часов, - и бывшего, возможно, в тот момент этими самыми Всемирными Часами).

Что же такое тогда Хайдеггер "Времени и бытия", задействованный так или иначе в акции 52/98? По моему скромному разумению суть этой его работы можно свести - в меру волюнтаристским образом - к утверждению первичности взаимозависимого происхождения (1) по отношению к пространству и времени. Именно в этом смысле Хайдеггер "Времени и бытия" - это уже не Кант с его априорными репрезентациями, и не Гуссерль с его интенциональным конституированием. Однако само это позаимствованное из

буддийской терминологии понятие "взаимозависимого происхождения" требует здесь дальнейшего уточнения в связи с понятием "протяженности", - понятием, фигурировавшим в том самом отрывке из "Времени и бытия", - чтением которого сменилось на пленке внутри "мехового магнитофона" чтение отчета полярной экспедиции. Об этом отрывке и о факте его присутствия на пленке я узнал от А.Монастырского как раз когда стоял перед "растянутым портретом", в то время как рабочие на просеке за нашими спинами продолжали тянуть кабель. Мне запомнилось, что А.М. кратко обозначил отрывок в своем сообщении именно как рассуждение М.Х. о *протяженности*, - хотя в каких-то предварительных разговорах, связанных с "Временем и бытием", он был скорее склонен делать акцент на "просвете" (lichtung). Мой собственный повышенный интерес к "протяженности" в тот момент объяснялся недавно состоявшимся знакомством с некоторыми аспектами теории Бергсона, а также встреченным мной в одном источнике свидетельством о влиянии этого бергсоновского концепта на Делеза.

В данном случае явно неуместно задаваться вопросом о том, насколько полно и непосредственно соответствуют значения "протяженности" в системах Хайдеггера и Бергсона - это вопрос для специалистов по истории философии. Есть, однако, три ключевых момента, позволяющих утверждать, что эти две "протяженности", по крайней мере, растут из одного какого-то места.

Во-первых это зафиксированная в буквальном значении термина непрерывность, противостоящая делимости и дискретности: так, скажем, Хайдеггер специально подчеркивает противостояние протяженности "расчисленному времени", а также постоянно отклоняемым "настающему" и "осуществившемуся"; что же касается протяженности (длительности) Бергсона, то она отмечена непрерывностью изначально, поскольку по одной из линий ведет свое происхождение от римановских "непрерывных многообразий", - также не сводимых к числам.

Второй момент - это именно то, что позволяет Хайдеггеру говорить о "просвете" протяженности, а Бергсону отождествлять протяженность с субъективностью.

Наконец, третий момент - это допространственность или первичность по отношению к пространству - Хайдеггер говорит о протяженности как о "месте" пространства и времени; Бергсон - о пространстве как об одной из форм протяженности, предельно разреженной (расслабленной) и существующей лишь в интеллекте как план или схема<sup>2</sup>.

Развивая далее эту тему, кажется естественным попытаться ответить на следующие два вопроса: 1) На каком основании и в каком именно смысле допустимо сближение концепта "протяженности" с категорией "взаимозависимое происхождение" (пратитья-самутпада)? и 2) Какое именно отношение эта "протяженность" имеет к творчеству КД и, конкретнее, к акции 52/98?

1. Что касается хайдеггеровской протяженности, то немецкий философ сам высказался в какой-то момент столь недвусмысленно, что в его словах легко увидеть прямую отсылку к понятию из буддийской традиции: "Наступающее как еще-не настоящее протягивает и одновременно несет с собой уже-не настоящее, осуществившееся; и наоборот, это последнее, осуществившееся, протягивает себе свое будущее. Взаимосвязь обоих протягивает и одновременно приводит с собой настоящее" (ВБ). У Бергсона, с его непростым отношением ко времени, все не так буквально, но зато более фундаментально: интересующая нас отсылка заключена уже в самом определении "протяженности" как *допространственного* (или альтернативного пространству) непрерывного многообразия. Спрашивается, чем может быть обеспечена непрерывность многообразия, если нет ни возможной только в присутствии пространства *рядоположенности*, ни способного преодолеть количественные различия *числа*? Вопрос позволяет заострить внимание на том аспекте протяженности, который будет интересовать нас в дальнейшем: несмотря на свою до(вне)пространственность, протяженность представляет собой не просто последовательность явлений и состояний, но последовательность связную и *артикулированную* в качестве связной. Единственный приходящий в голову общедоступный пример подобной внепространственной связности - это связность текста, или, вернее, синтагматическо-парадигматическая связность, которую мы привыкли называть связностью "по смыслу".

Примером опоры на такую связность может служить знаменитый фокус Иакова с подкладыванием в поилки полосатых прутьев для выведения пестрого скота - прием, лежащий где-то между обычным скотоводческим "ноу-хау" и магией, и зафиксированный преданием задолго до того, как европейской цивилизации понадобилось отделить от магии науку и технику.

2. Для ответа на вопрос о роли "протяженности" в проблематике КД мне придется процитировать еще раз отрывок из вступления к пятому тому ПЗГ, который я уже приводил один раз в эпиграфе к статье "Четыре лозунга Коллективных действий" (ПР №21): "В коммунальной синергетике взаимодействия двух знаковых полей [демонстрационного и экспозиционного - СС] естественно было бы ожидать появления "ответного" архитектурного дискурса на экспозиционном знаковом поле, возникшего в результате нашей демонстрационной деятельности".

Первое, что стоит отметить в связи с этим высказыванием, - это что с самого момента своей "демаркации" (в текстах КД) граница между демонстрационным и экспозиционным знаковыми полями была как бы сознательно дестабилизирована - можно даже заподозрить, что она была введена на волне (или с целью) ее торжественного дискурсивно-творческого

преодоления. В том же эссе "Земляные работы", где вводятся понятия ДЗП и ЭЗП, были проанализированы "сакральные инспираторы" КД и Кабакова - разного рода крупномасштабные сооружения, индуцировавшие художников в те или иные творческие периоды. Чуть позже, в цитирувавшемся уже предисловии к пятому тому, описывается еще один "инспиратор" (Ангары на северо-западе), который уже хочется назвать "обратным", учитывая, что по тексту он возникает *в результате* предшествующих походов КД на Киевогорском поле. Любопытно, кстати сказать, и еще одна фраза А.М. из этого же предисловия, брошенная как бы вскользь и не совсем по этому поводу: "Вопрос что чему предшествует остается открытым". Такое интенсивное взаимопроникновение ДЗП и ЭЗП приводит к мысли о том, что в порядке предвосхищения полной диффузии этих терминов стоило бы ввести объединяющее и фиксирующее их амбивалентность понятие - например, "мотивационно-результатирующие контексты".

Теперь второй момент, который тоже может показаться противоречием. С одной стороны, исходно и на всем протяжении "Земляных работ" А.М. предпочитает говорить об "экспозиционном поле" и об "инспираторах" в ракурсе их *предметности*, в силу которой они противопоставляются языку и полностью абсорбированному языком сущему (означившемуся "сущему") в качестве новой "опоры". С другой стороны, эта "контекстуальная предметность" тем не менее постоянно "отдает" все той же знаковой - так, к примеру, в цитирувавшемся отрывке из Предисловия инспиратор "Ангары" анонсируется как "ответный архитектурный *дискурс*". Кроме того, ЭЗП советского города, по причине его идеологизированности, объявляется "выявившимся как напряженно знаковое". Как быть с этим парадоксом?

Ключ к его разрешению можно обнаружить в том же эссе "Земляные работы", где концептуальный дискурс представляется как перевернутый с ног на голову - собственно, поэтому вводимая в ЗР контекстуальная предметность, хоть и занимает формально нишу "кантовской дорецептивности", на деле оказывается не пред-знаковой, а, так сказать, *после-знаковой* (постсемиотической) - а главное, *пост-дискурсивной* предметностью. Это замечание возвращает к концу наших рассуждений о "протяженности", в ходе которых она была определена как *допространственное многообразие со смысловым и текстуализируемым типом связности*. Очевидно, что именно по отношению к таким образом понятой протяженности контекстуальная предметность может, наконец, занять место обычной "реальной" предметности - как результат "опространствливания" этой протяженности, проецирования ее в пространственно-временной континуум. В этом свете имело бы смысл несколько уточнить мое собственное высказывание о контекстуальной предметности в "Четырех лозунгах", где вместо "внутриконтекстуальная предметность обладает бесконечным разрешением, бесконечным ресурсом развертывания..." следовало бы сказать:

"внутриконтекстуальная предметность, как проекция протяженности, может развертываться бесконечно, не утрачивая своей непрерывности"<sup>3</sup>.

Как бы то ни было, в ходе акции 52/98 интрига с "инспираторами" подошла к своего рода короткому замыканию: на этот раз обнаружилось, что с точки зрения формы концептуальные художники и простые рабочие занимаются практически одним и тем же. Что же касается "плана содержания", то возникшее в данном случае между демонстрационным и экспозиционным знаковыми полями текстовое отношение было, в частности, предельно адекватным отображением известного дерридианского концепта *différance* - оно свелось к глубокомысленно "подвешенной в воздухе" оппозиции между "занятием делом" и "валянием дурака" (которая, несомненно, представляет собой один из заветных "тайных нервов" концептуалистского дискурса).

В заключение осталось добавить несколько слов о поводе моих сугубо личных, лирических переживаний во время этой акции. В сравнении с предыдущими опытами переживания отличались повышенной интенсивностью и какой-то уверенной в себе, устойчивой эйфоричностью - на грани пребывания внутри некой "демо-версии реинкарнации в мире богов". Погодно-климатические признаки сложились в своего рода "песню о вечности": под ногами была переливчатая амальгама из золотистых осенних листьев, чистейшего снега, прозрачной, играющей на солнце бликами воды и уже вполне матерой зеленой травы, выглядевшей ничуть не моложе снега и желтых листьев. Примерно такая же "сезонная невнятность" имела место и на небе - то бурлящие облака стягивались в совершенно зимнее предвестие снежной бури, то вдруг сыпался мелкий, теплый, и отчетливо весенний дождик, то вдруг солнце начинало припекать с нездешней силой, - совсем по-калифорнийски. Одним словом, все было окутано острающей "кинематографической" дымкой с оттенком легкой позитивной делириозности - потом я подумал, что виной тому могла быть свойственная для такой погоды повышенная концентрация в воздухе водяных паров. В эту атмосферу очень органично вплетался "просветленно-маразматический" голос Монастырского, читавший отчет полярной экспедиции. Когда магнитофон был "вмонтирован" в "протяженность", и все остановились, чтобы дослушать фонограмму, я, в силу давно уже обнаружившейся у меня непоседливости (проявившейся также в "Мешке"), последовал по черной нитке за "живым" Монастырским и Константиновой вплоть до просеки, где сквозь полупрозрачную стену подлеска я разглядел, что они укрепляют на веревках между деревьями маленький прямоугольный предмет, показавшийся мне издали похожим на икону. Надо сказать, что присутствие рабочих в этот момент на просеке ощущалось уже достаточно явно, хотя в чем конкретно оно проявлялось - я не помню. Потом я вернулся к группе, дошел вместе со всеми до "нового поля", где по просьбе

Андрея залез на дерево, чтобы помочь укрепить верхний конец веревки для вторых часов. Когда все закончилось, и мы пошли в сторону просеки, я понял, что по плану мы должны "как бы ненароком" пройти мимо загадочного прямоугольного предмета - и стал с некоторым нетерпением ждать его появления. Несколько отвлекли меня от этого ожидания рабочие, прокладывающие кабель, - в особенности тот факт, что они по очереди залезали на столбы точно так же, как я только что залезал "для прокладки протяженности" на дерево. Наконец, появился долгожданный подвешенный предмет, и, помню, на расстоянии нескольких шагов от него у меня голове вихрем пронеслось: "Ой, мамочка - Гитлер!". Это при том, что этот портрет Хайдеггера, украшающий заднюю обложку издания из серии "Мыслители XX века" 1993 года, знаком мне очень хорошо и давно - и, кстати сказать, эта мерзкая рожа с заплывшими глазами, отвислой кожей на скулах и ядовито-презрительными складками вокруг рта всегда вызывала у меня мысль о престарелом Гитлере "пережившем самосожжение". И все же тот факт, что я так "истерически" обозначился, хорошо иллюстрирует то состояние глубокого гипнотического сна, в котором мой разум находился в течении всего этого странного дня.

1. Термин "взаимозависимое происхождение" используется здесь как эквивалент таких хайдеггеровских конструкций как "просвет взаимного протяжения наступающего, осуществившегося и настоящего", "протяжение просвета четырехмерной области", "сбывающееся событие" и др. Частичное обоснование этой эквиваленции дается дальше в тексте.

2. Является ли протяженность Бергсона также первичной по отношению ко времени? - Да, в той мере, в какой единое, качественное и виртуальное время Бергсона также не "расчисляемо", как и "до-время" Хайдеггера, - т.е. не является временем в обычном смысле (и даже в смысле теории относительности).

3. Т.е. не "выпадая" в количественную дискретность - или, как сказал бы Делез, "она может актуализироваться, оставаясь неотделимой от движения собственной актуализации", - Ж.Делез, Бергсонизм, - В кн.: Эмпиризм и субъективность... М. 2001, с. 256).